

ТРЕТЬЯ МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Е. А. Пельтихина, О. А. Сиденко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 сентября 2023 г.

Аннотация: анализируются вызовы, формируемые современностью, с которыми приходится иметь дело как вузам, реализующим третью миссию, так и государству, осуществляющему надзорную функцию. Университеты вынуждены отвечать на возросшие требования многочисленных стейкхолдеров, выстраивать приоритеты и стремиться к максимальной отдаче при минимальных издержках, включая третью направленность деятельности. Беспрецедентные вызовы вносят коррективы в миссии университетов. Они требуют как грамотного менеджмента, так и своевременной научной рефлексии.

Ключевые слова: третья миссия университетов, экономика знаний, стратегия развития, стейкхолдеры.

Abstract: *modernity creates challenges both for universities', third mission, and for the state supervision in higher education. All universities are forced to respond to the numerous stakeholders' demands, set priorities and work to get the most output from the least possible input, including the third mission. Unprecedented challenges have been redesigning the universities missions. They require both competent management and scientific reflection just in time.*

Key words: *universities' third mission, knowledge economy, development strategy, stakeholders.*

О третьей миссии, роли, направлении деятельности университетов стали активно говорить в 1990–2000 гг., хотя истоки трансформации исследователи справедливо ищут в 1960–1970 гг., связывая их с инновационно ориентированной индустрией и обучением на протяжении всей жизни.

Чем больше экономика знаний становилась реальностью, а государство превращалось в структуру, оказывающую услуги населению, тем больше университеты воспринимались в качестве неотъемлемой и важной части цепи: фундаментальная наука – прикладные исследования и разработки – инновационные продукты и технологии – накопление знаний и человеческого капитала – развитие сообществ и территорий. Примером такого видения может служить трактовка университетов как драйвера роста в экономике знаний, данная в британской Белой книге «Наука и инновации» 2000 г. [1].

Новому тысячелетию понадобились не «башни из слоновой кости», а университеты с чертами предпринимателя, открытого и готового к сотрудничеству со всеми заинтересованными сторонами на любом уровне – от локального до глобального.

В настоящее время трудно найти сколько-нибудь уважаемый вуз, в стратегии развития которого не была бы прописана третья миссия. Однако масштаб деятельности, объем ресурсов, выделяемых на нее, и

эффективность их использования разные. В свете того, что правительства по всему миру все чаще используют оценку этого направления деятельности в решении вопроса о финансировании, проблематика приобретает особое значение.

Что понимают под третьей миссией университетов и зачем она правительствам

Удовлетворение потребностей и включение университетов в решение актуальных социально-экономических, гуманитарных, экологических проблем существенно потеснило привычное восприятие вузов как своего рода храма знаний и вместилища академических традиций. С заменой вопроса «как учить?» на «чему учить?» храм окончательно стал цехом. Акцент на таких сюжетах, как R&D (Research and Development, исследования и развитие), трансфер технологий, управление ресурсами, взаимодействием со стейкхолдерами в научных трудах и методических разработках не случаен [2; 3]. Кроме того, чаще статьи, посвященные проблематике третьей миссии, появляются в журналах, затрагивающих публичную политику, трансфер технологий, связь между наукой и производством, инновациями и управлением [4; 5].

О новом социальном контракте между большим обществом и университетами заговорили в 1990-е гг. Прежний основывался «на линейной модели инноваций, предполагавшей только долгосрочный вклад академических знаний в экономику». Изменившаяся

реальность, в которой поток знаний и технологические инновации слились воедино, сформировала запрос на модификацию. И в качестве ответа появилась модель «тройной спирали», разработанная Генри Ицковицем и Лойетом Лейдесдорфом [6]. Источником вдохновения для авторов стал образ переплетающихся спиралей ДНК. Помимо трех зримых элементов – бизнес, государство и университеты – в модели присутствовал четвертый – время. Именно вокруг него, изменяясь и развиваясь, вились три спирали, формируемые множественными взаимосвязями на разных стадиях капитализации знаний.

Как указал Г. Ицковиц, оптимальной спираль могла стать только при равном вкладе всех участников в ее развитие. А это, в свою очередь, требовало основательного «пересмотра роли университетов, их миссии и основных общественных функций». Университет как образовательное и научное учреждение уступил место предпринимательскому университету, который тоже занимался «образованием и наукой, но иначе, с иными целями и на несколько ином уровне» [7].

Благодаря росту популярности модели тройной спирали третья миссия университетов стала ассоциироваться, прежде всего, с патентами, лицензионными отчислениями и академическими спин-оффами, способными привлечь венчурные инвестиции. «По данным Global University Venturing, современные университеты сформировали инструменты последовательного повышения стоимости и отдачи от интеллектуальной собственности» [8].

Однако, если университет и стал бизнес-проектом, то социально ориентированным. В рамках третьей миссии взаимодействие с властными структурами, участие в принятии решений, вовлеченность в социокультурную жизнь на сегодняшний день занимает не меньшее место, чем коммерциализация научных разработок и удовлетворение потребностей рынка труда. Университеты активно участвуют в развитии пространств, сообществ и сред, стимулируют и поддерживают инициативы в студенческой среде. Современный университет играет огромную роль в экспертизе и аналитике, в накоплении и конвертации самых разных форм капитала, в изменении социальных установок и повышении качества жизни. *Третья миссия проявляется каждый раз, когда обучение, исследования и университетские коммуникации нацелены или же вовлекают неакадемические сообщества.*

Как отмечается в докладе группы «Рассел», объединяющей лучшие университеты Великобритании, «развитие событий в этой области достигло той стадии, когда вклад университетов в «Третий поток» или «Третью миссию» рассматривается как имеющий свою специфику и важный сам по себе, заслуживаю-

щий особой политики и ресурсов для обеспечения эффективного функционирования» [3; 9].

В докладе, появившемся в самом начале нынешнего столетия, впервые была предложена аналитическая рамка и 65 индикаторов, облегчающие управление третьей деятельностью университетов – формированием, развитием и использованием университетских «активов» вне академической среды. Было признано, что глубоко и всесторонне оценивать результаты, воздействие третьей миссии довольно сложно. Не всегда понятно, как и когда следует давать оценку. Влияние академических исследований может носить долгосрочный или же косвенный характер. К тому же у научных работ прослеживается «эффект ореола». Свою роль в исследовательской и инновационной деятельности играет случайность, удача. Авторы доклада задаются вопросом: «Стоит ли давать счастливицам больше государственных средств?» Кроме того, выгоды, получаемые неакадемическими субъектами, не всегда очевидны для университетов. Как следствие, методика оценки сфокусирована на осуществлении деятельности и ее очевидных, легко измеряемых результатах.

По такому же пути идут и другие создатели методик оценки и рейтингов. В середине десятих в России задумались над разработкой нового международного рейтинга, способного оценивать как качество деятельности по двум классическим направлениям, так и вклад в устойчивое развитие, уровень международного сотрудничества и дистанционное образование.

Начиная с 2017 г. рейтинг «Три миссии университета» публикуется ежегодно. Третья миссия в нем раскрывается посредством группы показателей «Университет и общество» (количество массовых открытых онлайн-курсов вуза, размещенных на крупнейших глобальных платформах; доля вуза в общем объеме публикаций по стране в целом; общее количество страниц веб-сайта университета, индексированных ведущими поисковыми системами; количество просмотров страницы вуза в Википедии; количество подписчиков аккаунта университета в социальных сетях; количество выпускников вуза, которым посвящена отдельная страница в Википедии; размер интернет-аудитории сайта вуза; открытость и прозрачность).

В настоящее время Московский международный рейтинг «Три миссии университета» не только стал глобальным, но на его основе было сформировано семейство рейтингов, включая предметные, локальные и специальные. В 2023 г. Правительство РФ прорабатывало вопрос расширения использования MosIUR в качестве инструмента оценки эффективности деятельности российских вузов [4].

Одной из особенностей современного положения дел является то, что в вопросе оценки третьей миссии

университетов научный и управленческий дискурсы идут рука об руку, адаптируясь сообразно требованиям времени. Правительства по всему миру уделяют значительное внимание реализации вузами этой миссии, рассматривая ее как с точки зрения вклада в экономическое развитие и устойчивый рост, так и с позиций решения социальных проблем, включая отчужденность, неравенство и социальную справедливость.

Вызовы современности

На различных консультационных площадках и в научной литературе обсуждается ряд серьезных вызовов, один из которых связан с необходимостью широкого внедрения образовательной модели на стыке разных научных дисциплин. Пока это прослеживается только в области естественных наук и инженерных предметов (модель STEM – science, technology, engineering, mathematics) и является недостаточным. В основе модели лежат интегративный, практико-ориентированный и проблемно-ориентированный подходы, когда физика, химия, биология, математика преподаются во взаимосвязи для решения технологических задач, а научная работа студентов ведется в проектной форме. За подобным сдвигом легко угадываются интересы корпораций, которым нужны специалисты, обладающие профессиональными, мягкими и управленческими навыками. Бизнес готов участвовать в разработке и финансировании таких образовательных программ, чаще всего магистерских и в области профессиональной переподготовки.

С гуманитарным и социально-экономическим блоком дела обстоят гораздо сложнее. Заказчиком здесь может выступить, прежде всего, публичная власть, а источником средств – бюджетные деньги, которых, как известно, всегда не хватает. Разумеется, игнорировать изменения в научном дискурсе долго не получится, но дефицит общественных финансов может существенно замедлить процесс. Кроме того, имеются еще две проблемы: одна универсальная – все больше нарушается баланс между фундаментальностью и прикладным характером подготовки профессионалов, а вторая российская – ригидность, чрезмерная бюрократизация организации учебного процесса в вузах и все, что препятствует вовлеченности профессорско-преподавательского состава.

Что касается научной рефлексии, обращает на себя внимание утверждение, что в условиях экономики замкнутого цикла, актуализации проблематики социальной справедливости и устойчивого развития как вузы, так и исследователи не могут игнорировать потребность общества в «глубоких, широко распространенных и контекстуализированных знаниях о местных, региональных или национальных пробле-

мах, их социальных и культурных аспектах, а также экономических дисбалансах и неравенстве». Эти знания можно обрести и распространить только через «структурированный диалог с общественными группами, вовлечение обучающихся, педагогов и сотрудников в сообщество, посвященное росту и социальному развитию» [10].

Гуманитарного блока касается и еще один аспект. Этическая основа неотделима ни от ответственности университетов перед сообществами, ни от коллективного чувства доверия. Именно нравственность, этика и политическая неангажированность наряду с компетентностью вуза, как актора технологического фронта, формируют его восприятие в качестве надежного партнера.

Хотя третью миссию формулирует организация, реализуют ее члены трудовых коллективов. Трудно не согласиться с одним из бывших председателей Европейского исследовательского совета Жаном-Пьером Бургиньоном в том, что социальная роль ученых возрастает [11]. В нестабильном, сложном, неоднозначном мире университеты и ученые фактически оказываются между Сциллой воинствующего общественного невежества, политическими манипуляциями и Харибдой необходимости глубокого понимания происходящих процессов.

Однако достаточен ли уровень доверия к ученым? С одной стороны, он довольно высок. По данным международного исследования, проводившегося в 2019–2020 гг. в 20 странах, ученым доверяют больше, чем другим группам, в Испании, Нидерландах, Швеции, Германии, Чехии и Италии. В США, Великобритании, Франции, России на первом месте оказались военные, а ученые – на втором. Доверие к журналистам, предпринимателям и политикам оставляет желать лучшего. К примеру, бизнесменам доверяет 11 % опрошенных россиян, журналистам – 14 %, политикам – 22 %; ученым – 27 %; военным – 44 %. Во Франции эти цифры гораздо ниже, за исключением ученых (4, 5, 7, 31 и 38 % соответственно) [12]. Некоторый оптимизм внушают социальные ожидания, что наука и технологии смогут оказать положительное влияние на решение большинства проблем, как имеющихся, так и тех, которые возникнут в ближайшие 15 лет [13]. В то же время достичь большого масштаба влияния при нынешнем уровне белого шума крайне сложно, и это при условии, что ученый захочет покинуть свою «башню из слоновой кости» и выйти в народ офлайн или онлайн. Упомянутое условие не сформируется, если вузы не будут стимулировать подобную активность в рамках третьей миссии.

Университеты в реализации их третьей миссии призывают работать «за пределами социальных элит». Как отмечает Кэтрин Хоули, накопленные

знания, способности, навыки и интеллектуальная честность должны находиться «в распоряжении общества в целом, включая наиболее маргинализированные группы» [14]. Утверждение, что «передовые технологии в обществе, отсталом в культурном и гражданском отношении, могут привести только к варварству», сложно оспорить, однако сможет ли университет функционировать как целостная система при почти неограниченном количестве заинтересованных сторон?

Закономерно, что проблема «перегрузки миссии», вследствие лавинообразного увеличения числа стейкхолдеров и роста их требований, в научной литературе рассматривается как один из серьезных вызовов. Университеты не могут быть «всеми для всех». Без дифференциации и взвешенного выбора стейкхолдеров вузу вряд ли удастся стать социально ответственным институтом, производящим общественные блага. Тем более что для вузов возросшее участие заинтересованных сторон теснейшим образом сопряжено со стратегическим выбором и поиском жизнеспособного баланса «между государством и рынком, глобальным и локальным, общественным и частным, массовостью и индивидуализацией, сотрудничеством и конкуренцией, автономией и подотчетностью». Как справедливо отмечают исследователи, напряжение может возрасти не только в отдельно взятых организациях, но и во всей академической системе.

Еще один вызов связан с проблемой достижимости динамического равновесия между горизонтальными и вертикальными связями. Если государство «отстывает», а «университет ищет собственную легитимность в том, как его услуги принимаются и оцениваются различными сообществами», набор институциональных решений может не совпадать с общественными интересами [11]. В то же время чрезмерная унификация, непродуманная реализация надзорной роли государства способны нанести не меньший вред высокопрофилированной, дифференцированной системе высшего образования.

Активность вузов в плане реализации третьей миссии возрастает по всему миру, однако сможет ли она приобрести решающую роль в консолидации активной общественности и стать фундаментальной, как желают того исследователи, остается под вопросом. И дело даже не в том, что университеты по-разному определяют приоритетность своих функций. Решающую роль играет соотношение затрат и выгод. Переориентация на третью миссию может потребовать слишком больших трансформационных издержек. Как ни парадоксально, но университет не так легко превратить в самообучающуюся организацию, ориентированную на внешнюю среду.

И последний вызов, на котором хотелось бы остановиться, – это необходимость формирования синтетических концептуальных оснований для исследования проблематики третьей миссии университетов. Теории полей, изоморфизма, сетевого общества, корпоративного гражданства, заинтересованных сторон, горизонтальной подотчетности вполне позволяют с разных сторон рассмотреть феномен, однако глубокое системное восприятие требует некоторого синтеза и адаптации. Часть из них была разработана для сферы бизнеса и не учитывает специфику высшего образования.

В рамках небольшой публикации рассмотрены далеко не все вызовы. К примеру, не затронута проблема углубляющегося неравенства в среде самих вузов. Успехи в коммерциализации и хорошую «нефинансовую отчетность» показывают, как правило, топы. Кроме того, ситуация не только быстро изменяется, но и испытывает на себе давление политической конъюнктуры, так что вызовы модифицируются и множатся.

Таким образом, третья миссия университетов прочно вошла в управленческий дискурс, а сами вузы стали инструментом экономической политики. Однако в современном понимании третьей миссии университетов фокус все больше смещается на собственно социальную составляющую деятельности. От университетов ждут, что они будут вносить свой вклад в гражданское воспитание, в накопление человеческого и культурного потенциала, реализацию принципа инклюзивности и т. д.

При этом осуществление третьей миссии сталкивается с серьезными вызовами: от необходимости разработки новых моделей организации учебного процесса и поиска оптимальных инструментов реализации надзорной функции государства до «перегрузки миссии» и приоритизации функций и стейкхолдеров.

Как следствие, рост напряжения фиксируется как в отдельно взятых вузах, так и в системах высшего образования и публичного управления. Представляется, что поиск ответов на имеющиеся и грядущие вызовы может эффективно осуществляться только на путях самоорганизации и мета-управления – выверенного наложения иерархий на сети. Безусловно, анализ не является исчерпывающим, а выводы носят дискуссионный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Science and Innovation White Paper. Vol. 616, July 2000. – URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2000-07-26/debates/5bf52b1b-611f-4e8f-9dd4-62e9f378efd8/ScienceAndInnovationWhitePaper>.
2. Медушевский Н. А. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе / Н. А. Медушев-

ский, О. В. Перфильева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-tretyey-roli-universitetov-na-sovremennom-etape>

3. *Molas-Gallart J.* Measuring third stream activities – Final report to the Russell Group of Universities / J. Molas-Gallart [et al.]. – Brighton, UK : University of Sussex, SPRU, 2002. – URL: https://www.researchgate.net/publication/246796517_Measuring_Third_Stream_Activities

4. *Jongbloed B.* Higher education and its communities : Interconnections, interdependencies and a research agenda / B. Jongbloed, J. Enders, C. Salerno. – URL: https://www.researchgate.net/publication/225548387_Higher_education_and_its_communities_Interconnections_interdependencies_and_a_research_agenda

5. *Compagnuccia L.* The Third Mission of the university : A systematic literature review on potentials and constraints / L. Compagnuccia, F. Spigarelli // *Technological Forecasting and Societal Change*. December 2020. Vol. 161. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162520311100?via%3Dihub>

6. *Molas-Gallart J.* Measuring third stream activities – Final report to the Russell Group of Universities / J. Molas-Gallart [et al.]. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162520311100?via%3Dihub>

7. *Etzkowitz H.* Introduction : Universities in the Global Knowledge economy / H. Etzkowitz, L. Leydensdorff // Etzkowitz H., Leydensdorff L. (Eds.) *Universities and the global knowledge economy : A triple helix of university-industry-government relations*. – London, 1997. – P. 1–8. – URL: https://www.researchgate.net/publication/239066835_Universities_and_the_global_knowledge_economy_A_triple_helix_of_university-industry-government_relations

economy_A_triple_helix_of_university-industry-government_relations

8. Тройная спираль Генри Ицковица. Интервью с Президентом Ассоциации Тройной спирали, профессором Стэнфордского университета Генри Ицковицем. – URL: http://erazvitie.org/article/trojnaja_spiral_gnri_ickovica

9. *Кузнецов Е. Б.* «Университеты 4.0» : точки роста экономики знаний в России / Е. Б. Кузнецов, А. А. Энготова // *Инновации*. – 2016. – № 5 (211). – С. 3–9.

10. Московский международный рейтинг «Три миссии университета». – URL: <https://mosiur.org/>

11. *Ronsisvalle G.* Why universities need a renewed focus on their third mission. 09 October 2021 / G. Ronsisvalle, F. Coniglione, S. Ronsisvalle. – URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20211008130256181>

12. *Bourguignon J.-P.* The Enhanced Role of Scientists and Social Actors. May 2019 / J.-P. Bourguignon. – URL: <https://erc.europa.eu/news/enhanced-role-scientists-social-actors>

13. Scientists are among the most trusted groups in society, though many value practical experience over expertise. – URL: <https://www.pewresearch.org/science/2020/09/29/scientists-are-among-the-most-trusted-groups-in-society-though-many-value-practical-experience-over-expertise/>

14. Special Eurobarometer 419 : Public perceptions of science, research and innovation. July 2023. – URL: https://data.europa.eu/data/datasets/s2047_81_5_419_eng?locale=en

Воронежский государственный университет
Пельтихина Е. А., преподаватель кафедры социологии и политологии
E-mail: ev_peltikhina@mail.ru

Сиденко О. А., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии
E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru

Voronezh State University
Peltikhina E. A., Lecturer of the Department of Sociology and Political Science
E-mail: ev_peltikhina@mail.ru

Sidenko O. A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science
E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru